

В те времена, во время битвы на Утёсе Висящей Луны, Су Яньи не оставалось ничего иного, кроме как прыгнуть вниз. Он прекрасно понимал, что адское пламя у подножия поглотит всё живое, но рассчитывал на одно: те лицемерные и до крайности трусливые святоши не рискнут приближаться к огню.

К счастью, в тот день разыгралась такая метель, что видимость была почти нулевой. Зацепившись за выступ скалы и скрывшись в снежной пелене, он сумел остаться незамеченным той сворой мерзавцев. Рассчитав скорость и траекторию падения, он в последний момент мертвой хваткой вцепился в раскаленный камень. Преодолевая жгучую боль от ожогов, он удержался, не упав в самую пучину огня. Однако он был тяжело ранен, да и близость к Адскому пламени не прошла бесследно — ожоги были неизбежны. В таком состоянии выбраться наверх казалось задачей почти невыполнимой.

Он уже приготовился к последнему, отчаянному рывку, как вдруг появился Цзи Чжаохэн и вытащил его.

Спасение не принесло облегчения — напротив, Су Яньи охватил еще больший ужас. Даже дрожа от потери крови, он не смел потерять сознание. Ведь его спас Цзи Чжаохэн — его заклятый враг, тот самый Бессмертный почтенный, воплощение праведности! Су Яньи предпочел бы верить, что этот человек просто зачищал поле боя, чтобы добить выживших, нежели в то, что он пришел на помощь.

Но как бы он ни отказывался в это верить, Цзи Чжаохэн действительно его спас. Не имея возможности двигаться из-за тяжелых ран, Су Яньи оказался заперт во Дворце Тайвэй, где этот человек не жалел драгоценных снадобий, чтобы поставить его на ноги. Дворец Тайвэй был главной обителью Секты Бессмертных, и недостатка в редких травах там не было. Лекарства, о которых другие могли лишь мечтать, расходовались на него, демона, словно дешевые пустышки. Только благодаря этому ожоги от Адского пламени зажили так быстро.

Более того, пока он восстанавливался, Цзи Чжаохэн окружал его такой заботой и вниманием, что это казалось немыслимым. Поначалу Су Яньи перебрал множество причин, по которым враг мог его спасти, и относился к нему с подозрением, даже язвил, называя святошей, который, засидевшись на троне Бессмертного почтенного, возомнил себя спасителем всех заблудших душ. Но как бы он ни осыпал его насмешками, Цзи Чжаохэн молчал, снося колкости с неизменной мягкостью.

Со временем подозрения Су Яньи улеглись. Несмотря на свой острый язык, он перестал отпускать ядовитые замечания. В конце концов, этот человек спас ему жизнь, а он не был неблагодарным. Пусть характер у него был скверный, но к своему спасителю он проникся должным уважением. Они постепенно сблизились, и Су Яньи начал считать Цзи Чжаохэна своим другом, даже предложил забыть старые обиды, пообещав отплатить добром, как только поправится.

Однако раны зажили, а вот духовные силы так и не восстановились. Су Яньи решил, что здешняя аура бессмертных ему вредит, и попросил позволения уйти. Но Цзи Чжаохэн, ссылаясь на то, что раны еще не затянулись, настаивал на том, чтобы он остался. Су Яньи не

собирался его слушать: раз его не отпускают, значит, он уйдет сам.

Между ними возник спор. Су Яньи помрачнел и твердо заявил, что уходит. Но в итоге он не смог даже выбраться из той тайной комнаты — Цзи Чжаохэн прижал его к нефритовому ложу, на котором он пролежал целый год, и насильно овладел им.

Это было величайшим позором. Су Яньи был в ярости, он почти сошел с ума от унижения. Даже несмотря на то, что мир его ненавидел и боялся, годами проклиная за спиной, никто не осмеливался так над ним надругаться. Как Цзи Чжаохэн посмел? К черту спасение жизни, он жаждал убить этого лицемерного мерзавца. Но он и раньше не мог одолеть его в бою, что уж говорить о нынешнем состоянии. В дополнение к поруганной чести он получил в подарок кандалы из черного железа, и теперь, кроме как смотреть на своего мучителя, ему оставалось лишь греметь цепями, убивая время.

Вспоминая всё это, Су Яньи смотрел на Цзи Чжаохэна с ледяной ненавистью. Если бы взгляды могли стать клинками, он бы изрезал этого человека на куски. Цзи Чжаохэн, казалось, не замечал его ледяного взгляда. Он сжал в руке лекарство и мягко проговорил:

— А-И, будь послушным, выпей лекарство.

Это была уже вторая чаша за день. Глядя на исполненное гнева и отвращения лицо Су Яньи, он ощутил горечь. Нет на свете ничего печальнее, чем безответная любовь к человеку, который тебя ненавидит. Су Яньи видел в Цзи Чжаохэне лишь соперника, заклятого врага, но не знал, что тот с самой первой встречи был покорен его дерзким, свободным нравом. Те знакомые глаза незаметно для него самого запали ему в душу.

Если людям суждено встретиться, то невидимая нить судьбы будет сводить их снова и снова. В каждой битве Су Яньи видел лишь противостояние, тогда как для Цзи Чжаохэна каждое их столкновение было драгоценной радостью в его монотонной жизни. Когда он осознал это, корни чувств уже проросли глубоко, став подобными яду, разъедающему кости. Он не мог отпустить, не мог забыть, и ему оставался лишь самый низкий способ — запереть человека в своей клетке.

Когда он проделал путь в тысячи ли, чтобы спасти его, он хотел лишь защитить его. Но позже его привычная выдержка словно испарилась, и он больше не мог сдерживать свои низменные порывы. Некоторые вещи, раз сделанные, уже не исправить, к тому же, он явно находил в этом свое удовольствие.

— К чему этот спектакль, Бессмертный почтенный? — процедил Су Яньи. — Боишься, что я принесу беды твоей секте? Так убей меня, нечего притворяться добреньким.

Лишенный сил и заточенный здесь, он мог лишь язвить. Цепи сковали его ноги, но не язык.

Цзи Чжаохэн едва заметно вздохнул:

— А-И, веришь ты или нет, я искренен с тобой. У меня и в мыслях не было тебя унижить.

Он видел в нем своего даосского спутника, готов был сложить к его ногам все сокровища мира, разве мог он желать ему зла?

— Искренен? Твои поступки... ха! Цзи Чжаохэн, ты просто зверь в человеческом обличье, хватит строить из себя праведника!

Су Яньи скрежетал зубами. Мысль о том, что с ним сотворил этот человек, вызывала тошноту, его руки с силой впились в шелк простыней. В глубине души он поклялся: Цзи Чжаохэн, за каждое унижение я заставлю тебя заплатить вдвойне.

Цзи Чжаохэн привык к бранным словам. Он сел на край кровати, поднес ложку с отваром к губам Су Яньи и, несмотря на мягкий тон, не терпящим возражений голосом произнес:

— А-И, выпей.

— Проваливай!

Су Яньи сжал кулаки и отвернулся. Он хотел было выбить чашу, но опыт с предыдущей, разбитой об пол, и легкая боль на губах напоминали: за непокорность придется расплачиваться еще большим унижением.

Цзи Чжаохэн молчал. Он сделал глоток из чаши, поставил её на стол, а затем, крепко сжав подбородок Су Яньи, насильно передал ему лекарство изо рта в рот. Су Яньи пытался сопротивляться, но перед лицом такой силы, словно у каменной стены, он ничего не мог поделать и был вынужден проглотить горькую жидкость.

Это был не первый раз, когда его кормили таким образом, но каждый раз это приводило Су Яньи в бешенство. Он изо всех сил укусил Цзи Чжаохэна за губу, не разжимая зубов даже тогда, когда почувствовал вкус крови. Наконец, получив свободу, он с вызовом рассмеялся:

— Поделом тебе!

Цзи Чжаохэн вытер кровь с губ. Опустив взгляд на свои пальцы, окрашенные алым, он тихо сказал:

— Раз ты не хочешь пить сам, мне приходится так.

Он потянулся к Су Яньи, но тот отпрянул, словно от чумы. Однако бежать было некуда, и в итоге он оказался в крепких объятиях. В глазах Цзи Чжаохэна плескалась нежность, которую невозможно было сдержать. Он легко рассмеялся:

— Даже боль, которую ты причиняешь, для меня — радость.

Он коснулся пальцем губ Су Яньи, и капля крови с его губ отпечаталась на губах пленника. Чувствуя сопротивление в своих руках, он невозмутимо взял чашу. Су Яньи одарил его таким яростным взглядом, будто хотел вырвать кусок плоти. Он проклинал себя: проклятый Цзи Чжаохэн, как он смеет так обращаться с ним! Если бы не утраченная сила, он бы растерзал его на тысячи кусков.

Преисполненный ненависти, он выхватил чашу, залпом осушил её и швырнул на пол.

— Теперь ты можешь проваливать? — холодно бросил он.

Видеть этого человека было невыносимо, а спорить с ним — пустая трата слов. Цзи Чжаохэн помедлил, затем поднялся. Его взгляд упал на осколки на полу: там валялись не только остатки чаши, но и мелкие безделушки, которые он приносил, чтобы развлечь Су Яньи, включая кусок драгоценного теплого нефрита — всё это было разбито в пылу гнева.

Он взмахнул рукой, собирая осколки, но когда обернулся, Су Яньи уже отвернулся, не желая его видеть. Глядя на его спину, Цзи Чжаохэн мог лишь горько усмехнуться. Пусть он не смог завоевать его любовь, но он ни о чем не жалел.

<http://bllate.org/book/18801/1827680>